

ческую науку, они, крѣпко того способствовали возбудженію интереса среди мѣстнаго общества къ своему прошлому. Чтобы удостовѣряться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, какую многогранную дѣятельность по части своихъ древностей, исторіи, географіи, этнографіи обнаружили представители мѣстной учености и интеллигенціи въ Казани, Тифлисѣ. Ученныя общества, музеи продолжали потомъ дѣло създовъ.

§ 26 Западно-русская и южно-русская школа въ русской исторіографіи.

Обратимся къ характеристикѣ трудовъ самаго виднаго представителя южно-русской исторіографіи, извѣстнаго и въ русской исторіи вообще — Н. И. Костомарова.

Отъ него сохранилась его автобіографія, помѣщенная въ біографическомъ словарѣ профессоровъ Кіевского университета и въ журналѣ „Русская мысль“ за 1885 годъ въ VI и VII книжкахъ. Есть воспоминанія о немъ господиновъ Лозерекій, помѣщенные въ „Русскій старинѣ“, затѣмъ лекціи о немъ Семевскаго въ „Русской старинѣ“ за 1876 г. 1. Существуетъ оутика его дѣятельности, сдѣланная Антоновичемъ, воспоминанія его близкаго друга Мордовцева, помѣщенные въ „Нови“; воспоминанія Скабичевскаго. Костомаровъ родился въ 1817 году 4 мая въ Воронежской губерніи, вострогическомъ уѣздѣ, въ краѣ, гдѣ сплоченная малорусская народность соприкасается съ сплоченною великорусскою. Обучался онъ въ разныхъ пансіонахъ Воронежа и Москвы.

Въ своей автобіографіи онъ разсказываетъ нѣсколько инцидентовъ съ пансіонскими воспитателями. Нужно сказать, что Костомаровъ былъ очень шаловливъ и сивъ за такого у себя своихъ воспитателей. Такъ, онъ разсказываетъ, что однажды поссорился съ однимъ изверженцемъ — нѣмцемъ Траппомъ, за что содержатель пансіона Мурданъ, бывшій капитанъ Наполеоновской арміи, поставилъ его на колымаги. «Я шепчу», говоритъ Костомаровъ, съ догадливостью, свойственной дѣтству, который всегда подмываютъ слабыя стружки взрослыхъ, что можно воспользоваться въ свою пользу неюбавою т-я Мурдана къ нѣмцамъ и, стоя на колымажѣ, проговорилъ какъ будто про себя: „Fahler — ахъ ступи, въ двѣ всѣ нѣмцы ахъ ступи, а какъ имъ былъ Наполеонъ!“ Сначала Мурданъ притомилъ было на меня, но подхвативъ послѣднія слова, проговорилъ: „О, какъ былъ“ и пустивъ съ увѣщеніемъ разсказывать о какомъ то походѣ. Цѣль была достигнута, нѣсколько минутъ спустя онъ простилъ меня“. По окончаніи курса въ Воронежской гимназіи, Костомаровъ на 14^{мъ} году поступилъ въ университетъ московскій, гдѣ, между прочимъ, слушалъ Каченовскаго, Тююдина и Шевырева. Черезъ годъ онъ перевелся въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Гордый, пылкій нравъ, унаследованный Н. И. отъ отца, проявился часто во время его студентства въ Харьковѣ. Такъ, напримеръ, онъ участвовалъ въ одной дракѣ студентовъ съ приказными и вырвалъ одного приказнаго шпалой. Въ 1836 году онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, причѣмъ долженъ былъ передергивать

нѣкоторые предшеты, чтобы получить кандидата. По окончании онъ поступилъ въ военную службу, въ драгунскій полкъ юнкеромъ, но вскорѣ взялъ отпускъ, бывъ уволенъ „по неспособности“ и поселился въ Острогородскъ, гдѣ занимался въ архивѣ уѣзднаго суда козацкими дѣлами. Вскорѣ затѣмъ Костомаровъ началъ съ болыиимъ усиліемъ изучать малорусскій языкъ, путешествовать по украинскимъ деревнямъ и собирать стихи, и 1838 году написалъ первую свою повѣсть на малорусскомъ языкѣ подъ названіемъ „Салва Самыи“ и издалъ украинскія баллады. Въ 1842 году онъ подалъ для защиты на степень магистра диссертацию объ униі, но она была сочтена; въ май слѣдующаго года вышелъ приказъ сдать диссертацию, отъ которой чувствую очень незначительное количество оцѣнщиковъ. Тоненіе на мою диссертацию, говоритъ Костомаровъ, поднято было вслѣдствіе выказанныхъ въ ней убѣжденій, что распространенію униі способствовало невѣжество, безправственность и лѣность православнаго духовенства и, сверхъ того, поддѣлки были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взгляды скорѣе протестантскіе, чѣмъ православные. Въ 1844 г. Костомаровъ написалъ и подалъ въ Харьковскій университетъ другую диссертацию „объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, но въ ней онъ, главнымъ образомъ, распространяется о малорусской поэзіи. Нѣкоторые изъ профессоровъ советъ не хотѣли признать диссертацию, такъ какъ самимъ предметъ казался имъ отранимъ, неученымъ. „Концу нужно знать, говорили они, какъ чувству-

етъ парубокъ, или дівка"? Диссертация была
однако принята и Костомаровъ получилъ пос-
лъ съ защитой мѣсто учителя исторіи въ Доб-
но, откуда вскорѣ былъ переведенъ въ первую кі-
евскую гимназію. Въ Декабрѣ 1845 г. онъ былъ
выбранъ профессоромъ Кіевского университе-
та, поѣхалъ потомъ въ Петроградскъ, гдѣ про-
далъ свое имѣніе и, по возвращеніи въ Кіевъ,
выѣхалъ съ Бѣлозерскими, Тулакомъ, Маркеви-
чемъ и нѣкоторыми другими задумалъ осно-
вать знаменитое Кирилло-Мефодіевское обще-
ство, „которое имѣло цѣлью распростране-
ніе идеи славянской взаимности и будущей
федерации славянскихъ народовъ на основаніи
полной свободы и автономіи народностей.“

Около этого же времени Костомаровъ познако-
мился съ М. Шевченко, который изъявилъ го-
товность принять участіе въ „Обществѣ“.
25 Декабря 1846 г. было роковымъ днемъ для
Общества. Въ этотъ день члены его собрались на
квартирѣ Тулака, горячо спорили, мечтали о
будущности общества; Шевченко выражался,
по обыкновенію, очень нецензурно. За стѣнной
комнаты, гдѣ все это происходило, си-
дѣлъ нѣкто Петровъ, который постарался
сблизиться съ Тулакомъ и втереться въ его довѣ-
ріе; этотъ Петровъ, узнавши теперь всѣ
планы общества, написалъ доносъ въ Петер-
бургъ. На святой недѣлѣ Н. И. Костомаровъ
уже ѣхалъ съ жандармами въ Петербургъ,
гдѣ былъ доставленъ въ III отдѣленіе и здѣсь
нѣсколько разъ подвергався допросу, послѣ чего
былъ отправленъ въ ссылки въ городъ Саратовъ.

Здѣсь Костомаровъ написалъ рядъ трудовъ, которые издали ему славу первокласснаго изыскателя и историка („Богданъ Хмельницкій“, „Бунтъ Стеньки Разина“ и друг.). При новомъ царствованіи полковникъ Н. И. Костомаровъ умиралъ: онъ радше былъ освобожденъ изъ ссылки и отправился за границу. Въ столичный онъ занимался въ архивахъ и нашелъ здѣсь важный матеріалъ для исторіи Дмитрія Самозванца. Въ 1858 г. Костомаровъ прибылъ въ Петербургъ и осенью того же года опредѣленъ профессоромъ по русской исторіи въ Петербургскій университетъ. Петербургскій періодъ былъ самымъ свѣтлымъ періодомъ его университетской, преподавательской дѣятельности, которая сопровождалась небывалыми, шумными оцѣнками, не смотря на то, что онъ читалъ монотонно, не повышалъ голоса, не прибѣгалъ къ жестикамъ и искусственнымъ приемамъ краснорѣчія. Т. Скабичевскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. И. Костомаровѣ, говоритъ о лекціяхъ Н. И. слѣдующее: „Презвращаясь на кафедрѣ чловѣкъ съ неподвижными, словно застывшими чертами лица, и смотря въ свои задумавшимъ глазами не на васъ, а куда то въ невѣдомую даль, словно въявь въявь; тихимъ монотоннымъ шепотомъ, отчеканивая каждое слово, но безъ малѣйшихъ повышений или пониженій голоса, невозмутимо спокойнымъ тономъ онъ читалъ свою лекцію, какъ будто нехотѣ, а между тѣмъ заставлялъ забывать васъ все, что васъ окружало, и всецѣло переносить въ

ту эпоху, среди, в которыхъ шла борьба съ ка-
ведры?" Въ лекціи Н. И. были прекрасно со-
ставлены, основаны на матеріалъ первору-
ки и обработаны самымъ тщательнымъ об-
разомъ. Костомаровъ постоянно перерабаты-
валъ этотъ матеріалъ въ своей творческой
фантазіи, и его работы отличались всегда
тѣмъ художественнымъ изображеніемъ
судьбы прошедшей жизни, которое ставитъ
его наряду съ Тьери, Маколеемъ и др. Въ
этой картинности изображенія, которая
сразу вводитъ слушателя въ изображае-
мую эпоху, присоединяется и научный ха-
рактеръ лекцій Костомарова. Объ этомъ
прямо свидѣтельствуетъ курсъ его, авто-
графированный его слушателями и потомъ
напечатанный. Здѣсь мы находимъ замѣча-
тельную попытку анализа русскихъ летописей,
какъ источниковъ. Въ самомъ изложеніи со-
бытій онъ создаетъ, главнымъ образомъ, ис-
точниками. Его монографія „Сѣверно-русскія
народоправства" представляетъ только
нѣкоторую переработку его университет-
скаго курса, который онъ читалъ въ универ-
ситетѣ, какъ спеціальныи отдѣлъ. Та-
кимъ же характеромъ отличается и дру-
гое его изслѣдованіе: „Гетманство Выгов-
скаго"; изслѣдованія свои онъ производилъ
на основаніи архивныхъ источниковъ и др.
и читалъ въ университетѣ результаты
своихъ изслѣдованій. Ценъхъ его лекцій
все болѣе и болѣе возрасталъ, по позднѣйшимъ
событіямъ, прервавшимъ его лекторскую дѣятель-

ность. Въ это, именно, время происходили студенческія исторіи въ университетѣ, выходъ въ отставку нѣкоторыхъ профессоровъ (Пыпинъ, Стасюлевичъ, Каверинъ и Б. Утинъ) и образованіе чего-то въ родѣ волежнаго университета, инициатива котораго принадлежитъ Костомарову. Читаній, наставшихъ въ Январѣ 1864 г., происходили въ залѣ Петербургской городской думы и читали главныя образцы: Костомаровъ, Спасовичъ, Утинъ, Павловъ, Благовѣщенскій и др. Вскорѣ одинъ изъ нихъ — Павловъ — былъ арестованъ, посылъ же въ профессора, за исключеніемъ Костомарова, рѣшили прекратить публичныя чтенія, а студенты готовились устроить демонстрацію; на Костомарова же были недовольны за то, что онъ продолжалъ читать и этимъ дѣлалъ какъ бы неудобное правительству. На послѣдней его публичной лекціи онъ уже былъ стипендіантъ съ кафедры. Послѣ этого онъ вышелъ въ отставку, и хотя потомъ нѣкоторые университеты предлагали ему читать лекціи, но онъ до конца жизни продолжалъ оставаться частнымъ человѣкомъ, и былъ только членомъ археографической коммисіи. Вотъ почему онъ является такимъ плодотворнымъ историкомъ, и въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ, кажется, Соловьева, не говоря уже объ изданныхъ имъ матеріалахъ. Слѣдуетъ отнестись въ біографіи Костомарова еще одну черту — сильное увлеченіе, или работой, или одной какой-нибудь идеей. Принимаясь за трудъ, онъ старается

не только изучить материал, онъ старается оживить и сдѣлать его яснымъ для себя, онъ стремится къ полной отчетливости историческаго представленія. Трудно, вообще, представить себѣ картину прошлаго, но Костомаровъ въ этомъ отношеніи является историкомъ-художникомъ и вполне справедливо заслуживаетъ это названіе. Секретъ этого заключается въ томъ, что Костомаровъ не только старается выкинуть образамъ изучить явление; онъ изучаетъ его такъ, чтобы оно ясно представилось въ его воображеніи. Въ этой цѣли онъ прибѣгаетъ къ матеріаламъ гостяго характера, которые изясняютъ самую сущность событій. Онъ придаетъ значеніе мемуарамъ, сказаніямъ иностранцевъ, запискамъ и т. п. Если мы обратимъ вниманіе на его монографіи (Борданъ Кильбашевъ, Последние годы Имъ Космополитъ), мы найдемъ въ нихъ обилие и разнообразіе матеріала. Но Костомаровъ не довольствуется одними письменными источниками. Онъ прибѣгаетъ къ такому матеріалу, который пренебрегаютъ другіе историки: къ памятникамъ народнаго творчества. Имъ онъ интересуется постоянно; въ этого же онъ началъ и свою научную дѣятельность. Этому предмету посвящена его маастерская диссертація: „историческое значеніе русскихъ народныхъ пѣсенъ“; здѣсь онъ высказываетъ нѣкоторые оригинальные взгляды и въ послѣдствіи нѣтъ-только пользовался этими матеріалами, и благодаря этому онъ вполне заслуживаетъ

жить свою славу. Памятники народного творчества служатъ ему для того, чтобы опредѣлить народную душу, чтобы опредѣлить взглядъ самаго народа, его поэтическіе идеалы. Пѣсни и другіе народные памятники важны потому, что ихъ даетъ самъ народъ. Если въ актахъ, грамотахъ и другихъ памятникахъ мы видимъ внѣшнюю сторону бытія, то въ народныхъ памятникахъ мы видимъ духовную сторону народа, мы видимъ здѣсь его въ области умственной и въ нравственной сторонѣ бытія. Неудивительно, что взгляды Костомарова на русскую исторію характеризуются, именно, такими воззрѣніями, и эти взгляды его выражены въ его вступительной лекціи въ Петербургскомъ университетѣ. Въ этомъ взглядѣ, ставящемъ на первый планъ въ историческомъ изложеніи самый народъ, заключается сродство Костомарова съ Забѣлинскимъ, но разница въ томъ, что Забѣлинъ развиваетъ теорію государственной народности, а Костомаровъ не отождествляетъ народности съ государственною, напротивъ, — онъ ихъ ставитъ въ противоположность другъ къ другу. Русскій этнографіи онъ придаетъ громадное значеніе. Вотъ загадка того, почему въ русской исторіи, вообще въ развитіи онъ изучаетъ этнографическую сторону. Онъ является историкомъ, этнографомъ и историкомъ областнымъ. Сначала онъ занимался древнимъ періодомъ, затѣмъ московскимъ и императорскимъ. Въ статьѣ: "Два русскія народности" онъ говоритъ, что

онъ образовался изъ трехъ народностей. Для изу-
ченія исторіи Великороссіи онъ сдѣлалъ не мало,
но еще болѣе сдѣлалъ онъ для изученія исторіи
малорусскаго народа. Я указалъ на нѣкоторые,
наиболѣе выдающіеся, отличительные при-
знаки работъ Костомарова. Укажу на другія
важныя особенности его исторической дѣятель-
ности. Все говорятъ, что Костомаровъ историкъ
художникъ. Но для всѣхъ это опредѣленіе имѣ-
етъ одинаковое значеніе. Нѣкоторые говорятъ,
что если онъ художникъ, то онъ не критикъ. Но
при болѣе близкомъ знакомствѣ съ его работами
этотъ взглядъ оказывается несостоятельнымъ.
Все работы Костомарова отличаются са-
мостоятельностью, оригинальностью, научнымъ
характеромъ и все основано на источни-
кахъ первой руки. Правда, необходимо выдѣ-
лить изъ разряда его ученыхъ произведеній
разныя историческія романы, рассказы, но
они рисуютъ другую его сторону, какъ художе-
стика-поэта. Научныя его работы характе-
ризуются непосредственнымъ знакомствомъ
съ источниками, и въ этомъ отношеніи онъ
является такимъ же представителемъ до-
кументальнаго направленія, какъ и Соловь-
евъ. Костомаровъ въ теченіи своей жизни из-
далъ 12 томовъ актовъ южной и западной Рос-
сіи, въ которыхъ заключается масса докумен-
товъ изъ московскихъ архивовъ и изъ рукописей
петербургской археографической комиссіи. Все
его художественныя историческія произведенія,
все его монографіи, посвященныя южной Россіи,

основаны на этомъ матеріалѣ, который имѣ-
 лись найти, списать и издать. Такимъ об-
 разомъ, его работы прямо основывались на
 этомъ матеріалѣ, и хотя онъ далеко не исчер-
 палъ всѣхъ данныхъ, ему удалось, однако, на ос-
 нованіи нѣкоторыхъ данныхъ изложить собы-
 тія съ достаточной полнотой. Сюда нужно
 присоединить и серьезное отношеніе его къ дру-
 гимъ памятникамъ. Костомаровъ, быть мо-
 жетъ, не хуже Погодина зналъ лѣтописи, ци-
 тировалъ на память много мѣста изъ нихъ.
 Онъ усвоилъ себѣ даже славянской языкъ лѣто-
 писей; онъ вникалъ не только въ самый духъ
 языка — онъ изучилъ его внѣшнюю форму, по-
 строеніе рѣчи, обороты: онъ могъ далее писать
 и говорить на древне-лѣтописномъ языкѣ,
 и сохранилось нѣсколько писемъ, написан-
 ныхъ именно на этомъ языкѣ. Напримѣръ,
 сохранилось письмо его, писанное Бѣлозер-
 скому (въ то время редактору „Основы“) по поводу
 заранее посланнаго приглашенія въ крестные
 отцы: „Зѣло благодарю тѣ, отче Василіе, яко не
 по достоинству моему вознепичеся еси сотво-
 рити мѣ воспріимникомъ едѣе на плоти чада
 твоего отъ купели св. крещенія. Таковыя есть
 благодарныя пріемлю азъ худой и чаше всѣхъ
 чловѣкъ грѣшнѣйшій. Вбаче не могу сына, но
 аще и дщерь дастъ ти богъ, такожде нѣмо-
 же сотворити мѣ воспріимникомъ тебѣ пре-
 титъ, въ великую бо силу нѣмъ аще посвѣ-
 щенъ и на оленекъ полъ воззрѣніе нѣтъ ми
 возбранено правила св. отецъ седми соборовъ,
 наипаче въ таку возрастъ, въ каку дщерь

она, аще бы родилась быти имать, самъ все-
казненный фирмачъ безсилень есть нѣкое
муравое помышление выводить. Писаніе мое
превратихъ да тишнется. Аще же совѣсть
зазритъ, возврати отче, да воину обитель
вдашь. Ахъ ширенный старецъ Николай
моллю Господа Бога моего и всехъ святыхъ
его о здравіи твоихъ и честныхъ супрудени-
цъ твоихъ и чадъ твоихъ, мене же грѣшна-
го прости Христа ради, честный отче Ва-
силіе. Писано въ градѣ Петроградѣ, на остро-
вѣ святой Василія, идже на Невѣ рѣцѣ въ
пустыни Кармансткой, иже отъ вспоможеній
Бога Слова 1861, мѣсяца Іулія въ 13 день, на па-
мять св. ап. Луки и Симона и идже во святыхъ
мученикъ Иоанна Воина, иже же моштвъ
ради да помилуютъ васъ Господь, яко благи
и человеколюбивъ." - Итакъ художествен-
ность Костомарова не только не стояла въ
противорѣчіи съ документальными харак-
терами его работъ, наоборотъ, въ значитель-
ной степени одна вызывала другое. Многіе
упрекаютъ Костомарова за то, что въ своихъ
характеристикахъ онъ воспроизводитъ отри-
цательный чертъ жизни тѣхъ лицъ, кото-
рые въ традиціонной исторіи изображаются
героями. Въ свое время Погодинъ, никогда
не покладавшій рукъ своихъ при появленіи по-
добныхъ историческихъ ересей, выступилъ
и противъ Костомарова. Костомаровъ вы-
сказалъ ересь, что Русь вышла изъ Литвы, и
Погодинъ выступилъ противъ этой новой
исторической ереси, изъза чего возникъ и

извѣстный публичный диспутъ. Въ трудахъ о московскомъ періодѣ Костомаровъ высказываетъ оригинальные и нерѣдко отрицательные взгляды и выводы. Но Костомаровъ несомненно былъ патриотъ, вѣрилъ въ здоровыя, живыя силы народа, и, именно, эта вѣра заставляла его искренно, трезво относиться къ событіямъ прошлаго. Онъ не боялся высказать отрицательной соображеній о томъ или другомъ лицѣ. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ тому, долженъ ли историкъ вообще высказывать отрицательные взгляды о дѣятеляхъ. Такимъ образомъ, въ сочиненіяхъ Костомарова воспомянутое скептическое направленіе и критическій духъ; этотъ скептицизмъ доходитъ у него иногда даже до крайности. Напримеръ, Русскую исторію онъ начинаетъ съ Владиміра-Св. Съ другой стороны онъ нерѣдко ошибается въ характеристикѣ разныхъ дѣятелей, сгущаетъ краски; но-иное дѣло-ошибка, заблужденіе, совершенно естественное и другое - злой умыселъ, предвзятая тенденція. Какъ натура, увлекающаяся, Костомаровъ могъ впадать въ крайности; онъ старался представить лицо въ видѣ живаго образа, и уже это одно должно было заставить его дѣлать рѣзкія, опредѣленные характеристики. Въ этомъ отношеніи онъ не былъ эклектикомъ. Многие его взгляды не будутъ вполне приняты, многие будутъ приняты цѣликомъ, нѣкоторые отбрасываются. Всякое событіе онъ хотѣлъ воспроизвести такъ, какъ будто оно совершалось сегодня. Онъ дѣлалъ даже, такъ сказать, историческіе опыты. Не довольствуясь, напримеръ,

тѣмъ, что у Ошаріа онъ вычиталъ, какими обра-
зомъ русскіе приготовляли очень вкусные меды,
онъ заставилъ свою мать сдѣлать подобные ме-
ды по рецепту, замѣтывавшему у Ошаріа.
Затѣмъ Костомаровъ не довольствовался
тѣмъ, что онъ зналъ тѣ или другія бытвы,
мѣста ихъ; онъ самъ посвящалъ эти мѣста
(когда писалъ, напримѣръ, о Богданѣ Хмель-
ницкомъ). Вотъ основныя черты въ научномъ
творчествѣ Костомарова, который характе-
ризуютъ его и отличаютъ отъ другихъ изыс-
дователей. Здѣсь можно еще отмѣтитъ
важную черту въ біографіи Н. И. Костомарова
— это, если можно сказать, — научная совѣстли-
вость. Онъ имѣлъ смѣлость отказать отъ тѣхъ
мнѣній, которые вносили въ него находившіе
несостоятельными. На Тифлисскомъ археологи-
ческомъ съѣздѣ, послѣ реферата Шовайскаго
о происхожденіи Руси, онъ публично отказал-
ся отъ мнѣній о происхожденіи изъ Литвы.
Такая совѣстливость характеризуетъ толь-
ко истинный талантъ. Теперь сдѣлаемъ
самыя краткія указанія на его печатныя тру-
ды. Эти сочиненія относятся повѣсьмъ отъ-
дѣламъ русской исторіи. Таковы его лекціи.
Затѣмъ у него есть статья „О началѣ еди-
нодержавія въ древней Руси“. Здѣсь онъ высказы-
ваетъ взглядъ на роль монголовъ въ русской исто-
ріи, и съ этимъ взглядомъ придется считатъ-
ся нашимъ историкамъ. Въ сочиненіи его
— „Русская исторія въ біографіяхъ выдающихся
изъ древнейшей“ мы находимъ яркія и оригиналь-
ныя характеристики. Особенно замѣчательна

его характеристика Ивана Грозного, въ которой онъ видитъ художественную натуру и несчастнаго величавка. Затѣмъ о смутномъ времени существуетъ обширная монографія Костомарова въ 3-хъ частяхъ. Костомарову принадлежатъ полемическія статьи по поводу личностей смутной эпохи, о которыхъ онъ высказываетъ строгіе и справедливые взгляды (о Пожарскомъ). Сюда же относится его статья о личности первого самозванца („Кто былъ первый лже-Дмитрій?“), гдѣ онъ впервые высказываетъ мысль, что Самозванецъ и Отрепьевъ — не одно и тоже лицо. Свою „исторію въ біографіяхъ“ онъ доводитъ до Екатерины II. Сюда же нужно отнести работы, посвященныя внутреннему быту: „Очеркъ исторіи торговли Московскаго государства въ XVI и XVII в., не утратившій и до сихъ поръ своего значенія. Недостатки его въ томъ, что заѣзды даны, относящіеся къ XVI и XVII вв. даны, соединены влѣсть.“ „Северно-русскія народоправства“, — несмотря на то, что вполнѣ въ этомъ вопросу появились важныя труды Аннинскаго, Блжеева и друг., и до сихъ поръ не утратили своего значенія. Работы, относящіеся къ южной Руси, составляютъ цѣлую самостоятельную серію въ сочиненіяхъ Костомарова. Исторіей Малороссіи онъ заинтересовался очень рано, тогда же по окончаніи курса въ Харьковскомъ университетѣ. Вопросъ объ униі, послужившій темою для его диссертации, поjer-

нтвшею извѣстную участіе, онъ продолжалъ
 вносить въ нѣе разработывать. Здѣсь онъ пишетъ
 мало предшественниковъ: Бантышъ-Каменска-
 я, Маркевича, Максимовича. Достойно въ
 то время Митомсей недосѣлочно было опредѣ-
 лено. Среди разныхъ мнѣній сѣдинъ хо-
 дила „Исторія Русовъ“, отъ которой очень осно-
 вательнымъ и вѣрнымъ въ то время патристиче-
 скимъ сочиненіемъ. Докоментированный данный
 только началъ вырабатываться - и все это
 предстояло сдѣлать въ исторію. Первымъ
 его трудомъ въ этой области было сочиненіе,
 посвященное одному изъ самыхъ видныхъ
 дѣятелей - Богдану Хмельницкому. Онъ
 смотритъ на дѣятельность послѣднего, какъ
 на важнейшее и событіе въ русской исторіи
 въ XVII вѣкѣ. Онъ видитъ здѣсь узелъ, соединяв-
 шій нашу страну не только съ исторіей Россіи,
 но и съ исторіей Польши - и въ этомъ все до-
 ля правды. Когда вышло 1^е изданіе этого
 труда, Максимовичъ въ своемъ рядѣ писемъ
 указалъ на ошибки въ этомъ сочиненіи. Но
 историкъ по поводу одного письма отвѣ-
 талъ, а на другія промолчалъ, но все ошибки,
 указанные Максимовичемъ, онъ исправилъ въ
 новомъ изданіи. Ему же принадлежатъ -
 „Бунтъ Котеева Намивайки“ и друг. Въ
 введеніи онъ систематически излагаетъ исто-
 рію казачества, основанную на просмотрѣ ма-
 териала изъ императорской публичной
 библиотеки. Кроме того, онъ впервые все-
 пользовался польскими рукописями. Исторію
 казачества онъ данъ систематически и

исследовать XVI и XVII в. Это было очень тяжёлое время в истории южно-русского народа. (Закончил монографией „мадена и маденицы“). Давая общую характеристику этнических трудов, мы отметили, что он внес в нашу массу материала в этот темный угол русской истории. Но внутренней истории этого края он вовсе не затрагивает. Зато в более новых работах мы видим некоторое оскудение художественного таланта, которое объясняется, кажется, появившимся у него балканскими пристрастиями. В работах его по областной истории принадлежит прекрасное его сочинение „последний год Рвыи посполитой“, где он вносит массу материала. Взгляд его на этот вопрос отличается полной определенностью; причину падений польши он видит во внутренних сферах самой польши. Укажу еще на то, что напечатанные им в томов акты по южно-русской истории останутся навсегда драгоценным материалом и для внутренней, и для внешней истории южной Руси XVI и XVII в. Время этнических исторических трудов, Костомарову принадлежат много трудов в области русской этнографии в широком смысле этого слова. Напрямую, под его редакцией изданы памятники народного творчества. Но в своих работах Костомаров не ограничивается сферой русско-славянской. Он нарисовал характеристику литовского племени в древний его период.